

Новая газ. - 2002-25 сент. - с. 25.

С Довлатовым мы познакомились, когда надумали уезжать. Представления у нас, как у большинства, были туманные и отчасти фольклорные. Знакомые собирались на чужбине заняться народными промыслами. Одна училась лепить глиняные игрушки: десятки кособоких Полканов и лошадей на разбегавшихся ногах сушились на подоконниках. Другой думал печь в Америке тульские пряники. В Туле ему изготовили формы по образцам из музея, некоторые размером с корыто. Да, то было время больших надежд.

В доме Довлатовых царил предгрозовый суета. В комнату непрестанно входили мама, жена и дочь Сергея. Жена что-то искала. Когда она пролетала мимо Сергея, он поджимал ноги, как при мытье полов. Дочь перекладывала и роняла книги. Мама появлялась и заставляла монументом укоризны.

— Сергей, лучше мы зайдем в другой раз.

— Другого не дано, — туманно сказал он. — Кстати, хотел у вас спросить. Тут А. приводил ваших поэтов. Читали, читали, не дали нормально выпить. И что странно, все трое абсолютно одно и то же. Наконец — ушли. А. и говорит: «Те двое — говно, а третий — гений». Интересно, как вы их различаете?

— В основном по виду, — вежливо ответила я.

На прощание Сергей дал нам кипу бумаг со слепым машинописным текстом — инструкции для отъезжающих. Мы принялись изучать эти творения безымянных гениев. Рассчитанные на тех, кто знал, что такое КЗот, РОВД, форма 286, и на тех, кто понимал лишь указания «войти в парадную и позвонить в квартиру». Среди бумаг оказалась инструкция, как вести себя в КГБ. Чтобы не волноваться, советовал ее автор, представьте себе чистый холст в раме и мысленно заполняйте его. Поглощенные, например, созданием черного квадрата, вы рискуете показаться следователю дебилом, но не наговорите лишнего.

Я запомнила этот совет и позже проверила его на деле. Мы пришли на прием к генералу КГБ Гранитову. Такой неброский, но продуманный интерьер, как в приемной КГБ и МВД, я встречала лишь в крематории. В кабинете оказался не Гранитов, а старуха, похожая на моль. Картина на стене — зеленый Дзержинский на коричневом фоне — вполне годилась для мысленного закрашивания. Старуха с порога потребовала паспорта и пригребла их, словно это были наши души. Я сосредоточилась на фуражке Дзержинского, и, пока муж говорил, коричневые ручки расплывались по лицу и фуражке Феликса. И вдруг старуха заорала. Внезапно, без всякого усилия, и кудряшки на лбу не шелохнулись — она орала, как лагерный надзиратель. «Предатели родины... я в одном поле с вами... не сяду!» и что-то совсем уже неслухотворное. Она была мастером своего дела — мы ожидали чего угодно, но не такого.

— Я вам паспортов не отдам!

— И на здоровье! Берите эти собачьи паспорта, — сказала я, мгновенно обесилев от ее визга.

— Вон отсюда. — Она швырнула красные корочки.

Паспорт упал на пол, я наклонилась за ним и заплакала. Дзержинский расплывался на стене, старуха была довольна.

Но все это случилось потом. А поначалу мы были бодры, спокойны и следовали советам Довлатова.

После отъезда Лены дом замер. Сергей выглядел растерянным и подавленным. Мы репетировали с ним предстоящий поход в ОВИР.

— Итак, вы получили вызов от Исайи Углевского. Кто он такой?

— Не знаю, — честно отвечала я.

— Как не знаете? Ваш дядя, родной брат матери! Как давно и каким образом вы о нем узнали?

— Месяц назад. Из ваших.

— Неверно. В 61-м году. Он прислал письмо и потом не раз присылал письма и подарки.

— А если они потребуют их показать?

— Что показать? Что они могут потребовать? Он присылал мацу, вы ее съели. А письма порвали, боялись хранить.

Было решено, что это я собираюсь воссоединиться с дядей.

— Внимание! — говорил Сергей. — Начинается самое интересное. Как он попал в Израиль?

Действительно, как? Не огородами же... Легенда, которую он предложил, меня смутила. Как я выдам в ОВИРе такую залепаху? Они же не полные идиоты.

Во-первых, это не факт, — возражал Сергей, — вторых, всем понятно, что у большинства нет никакой родни, что все — липа. Но играем по правилам: вы говорите — они слушают. Да что вы, в самом деле? Они на днях цыганский табор выпустили по еврейским вызовам!

Великодушные Сергея было столь велико, что он

Как
в домашних
условиях
он учил
пересекать
границы

ДЯДЯ ОТ ДОВЛАТОВА

«Другого не дано», — печально сказал Довлатов

поделился с нами легендой и биографией своего мифического израильского дяди.

— Семья вашего деда жила в Жамках. В местечке Жамки.

— А где оно?

— Не углубляйтесь. Теперь — как звали ваших деда и бабу? Нет, не годится. Их звали Сарра и Авраам.

Я жалобно пискнула.

— Не хотите Сарру и Авраама? Ладно, тогда Иаков и Рахиль. И сын их Исайя, — заключил он.

— Итак, Жамки. 1914 год. Немецкие войска вошли в местечко. Паника, тевтонские каски, крики: «Шнеллер — яйки, млеко, сало!» А сала-то и нету! Что очень нехорошо и даже опасно... — Сергей сокрушенно покачал головой. — Дед Яков видит: надо спасать семью. Они бегут из Жамок, ночью, босиком. Переходят линию фронта, бабушка Рахиль в темноте пересчитывает детей по головам. А утром видят, что Исайки нет! Пропал! И обратно нельзя. Представляете, что они пережили?

Я представила, как рассказываю все это в ОВИРе, и почувствовала, что садится голос.

— И как он пропал? И почему босиком? — хрипло спросила я.

— Не углубляйтесь. Отстал, заблудился, волк унес... Бежал, порезал ногу, к утру дополз до дома. А немцы собираются отступить. Пожалели мальчишку, посадили на подводу. В общем, когда казаки и ваш дед ворвались в местечко, там его не было. Ушел с тевтонами. Дальнейшее, надеюсь, понятно — революция, коллективизация. Семья уверена, что Исайка погиб, а он в Польше. В тридцатых годах перебрался в Палестину, потом нашел вас, — торжественно закончил Сергей.

— И вы думаете, они поверят?

— Еще раз говорю: это никого не интересует. Вы что, первая им это рассказываете? То же самое говорит половина отъезжающих.

— Про Жамки?

— Не хотите Жамок, не надо, — обиделся Сергей. — Не понимаете своей выгоды. Я приглашаю вас в земляки. Наши дядьки, можно сказать, в одной телеге ехали. Но, естественно, я не навязываюсь...

Ночью, когда я обдумывала легенду, она уже не казалась мне такой нелепой. Я попыталась представить себе Жамки. Получилось что-то среднее между репродукцией Шагала и фильмом «Свадьба в Малиновке»: козы на крышах, кувшины на тыне, рябые тыквы во дворах. Яснее всего виделось отступление немцев: вереница телег в кустарнике, шаткие тени с шишками на касках, два мальчика на подводе... Эти нечесанные дети с руками, как пруттики, и глазами лемунов были наши придуманные дядя.

Я отправилась в ОВИР. Все инспектора были молоджавые, подтянутые тетки, похожие, как солдаты на плацу. Но каждая старалась внести в работу свою особую красочку. Красочка нашей Ухариной была фиолетовая. Помада с фиолетовым оттенком, аллергические цвета блузок, юбок, шейных платков. При виде ее хотелось чесаться.

Я поведала Ухариной историю исчезновения дяди. Она слушала скучливо и без

удивления — видно, этими баснями ее кормили не раз.

— ...А потом он нашел нашу семью...

— В письменном виде, — сказала Ухариная.

Я написала полторы странички, обдумывая каждое слово. Печальный го-мункулус, созданный воображением Сергея, становился все реальнее. Я видела, как он дрогнет в телеге, как сырая тьма втягивает его и тевтонов... Не знаю, как он доберется до Польши.

— Нормально, — сказал Сергей, — читать этого, конечно, никто не будет. Но ребята уже в пути, туда-сюда — и в Палестине.

Он был весел, предложил выпить и рассказал очередную байку. Заночевала у него приятельница. Утром мама увидела пальто, услышала женский голос за дверью и захотела узнать, кто гостья Сергея.

— А мы все не выходим... Тогда она постучалась и спрашивает, — Сергей изобразил низкий голос с тягучей интонацией: — «Серрежа! Вам с блядем не нужно зеленого горошку?»

...В ОВИРе мне задали очередную задачку: нужна справка, что Улевские жили в Жамках, что Исайя — брат моей матери и т.д. Кто мне даст такую справку? Не тевтоны же!

— Все правильно, — сказал Сергей, — все идет по плану. Сейчас посылаете запрос в Шклов. Они пришлют вот такую бумажку.

На бланке было напечатано: «Сведений о вашей семье сообщить не можем, поскольку архивы до 1944 года не сохранились». Из Шклова через месяц пришел ответ: «Сведений об Углевском Я.А. и его семье в нашем архиве не имеется». С такой справкой в ОВИР не сунешься. Получается, что все остальные сведения у них имеются и только этих нет.

— Пишите в Гдов, Львов, Могилев... в общем, смотрите по карте. В местах, где были немцы, архивы не сохранились, — сказал Довлатов.

...Мы были у него в последний раз. Его отъезд раскручивался неправдоподобно быстро, целыми днями он бегал по делам, вечерами шли проводы. Сергей провёл нас на кухню, сунул голову под кран, вытерся кухонным полотенцем и пожаловался:

— Клетку для собаки скотили, как для льва. Из сырой елки. Не знаю, как ее тащить.

Повертел в руках бумажку из Шклова:

— Ничего. Пишите в Гдов, Львов, Могилев.

Из комнаты кричали:

— Сергей, Сергей!

— Может, посидите с нами?

— Нет, нам пора.

— Ну ладно. Но вы зайдете еще? Или увидимся в Вене?

Сергей смотрел смущенно и внимательно, и я вдруг поняла, что не увидимся мы в Вене, да и вообще неизвестно, увидимся ли. И что он это знает.

Он уехал. Мы не скоро дождались ответов на разосланные письма. Потом они посыпались как из мешка — казенные конверты со штампами вместо марок и бумажками: «Сведений не имеется». Одинаковые, как похоронки. Больше ждать было нечего.

● Елена ИГНАТОВА

Довлатов Сергей

25.9.02